

Ержан
Ашим

КЛИКНИ НА ОБНОВИТЬ

АЛХИМИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА

Колесо моей жизни, казалось бы, накренилось,
 Но устояло и продолжает свой Путь.
 Мне стало страшно, оттого что я впал в немилость
 Туч дремучих, нагоняющих лють и жуть.
 Я задумался, в чём же алхимическая причина
 Моего страха и желания сомнамбулически рифмовать,
 Даже то, как мрачных красок пучина
 Хочет затянуть Небо в прокрустову хоррор-кровать.
 Синева над моей головой едва ли
 Не стала размером с яблоко, но, ни на что несмотря,
 Синее тыблоко не было схрумкано яростной Кали.
 Черные тучи старались, но, как оказалось, – зря.
 Стерта-стерта программа, по новой шагают качели
 Стрелок часов, и Мальчик едет уже не в Тамбов,
 А в Шамбалу, где Иоанны и профессоры Доуэли
 Азартно играют с Иродом, не теряя голов.
 И там под дождем не страшно стоять, ведь в его в биографии
 Владение струями – как добрая лейка,
 а не колюще-режущая коса.
 И живопись там прекрасна, она не под стать порнографии,
 А у цветов – с руками людей – взаимное рейки,
 Когда стебли не рвут, и не плачет от боли роса.
 В греческих мифах наполняет чаши вином богиня юности Геба ¹,
 А в скульптуре Антонио Канóвы, она разливает не вино, а нектар.
 Так – в Шамбале и нашей жизни – есть поэтесса с глазами, как Небо,
 И кто-то хочет видеть в них – лишь бездонную чистоту и божественный дар,

¹ Геба – в древнегреческой мифологии богиня юности, дочь Зевса и Геры. Геба служила на Олимпе виночерпием богов до тех пор, пока её не сменил Ганимед. Была выдана замуж за Геракла, когда он обрёл бессмертие. Итальянский скульптор Антонио Канóва (1757 – 1822) изобразил её целомудренной девушкой, наливающей нектар.

Ищет в их космосе и находит Любовь, не замечая снова и снова
 Как некоторые – изменчивость, рецидив отделения голов от туловищѐй,
 Видит в ней целомудренную красоту, как в Гебе – Канóва, но не Казанóва.
 Да, греки тысячу раз правы. Хоть так и не поняли сути кое-каких вещей

БЫТЬ ИЛИ ИМЕТЬ?

Воздержусь от научно-глубоководного рейда,
 Но без претензий на золото молчания или медь.
 Вы просили не ссылаться на профессора Фрейда?
 Хорошо. Вот вам Фромм, с темой «Быть или иметь?».

Мой сын вдохновил меня отрастить усы и бороду.
 Мол, интересно очень – как я буду выглядеть так?
 Говорю ему: «Скорей всего, ни к селу, ни к городу, –
 С такой редкой растительностью».
 А он мне: «Пусть!»

Вот и живу с прической под носом и на подбородке,
 Не для того, чтоб иметь ее, а – доставлять радость мальцу.
 Так же – счастлив любоваться лилией в чужом огороде,
 Не мечтая огород этот – перетащить к своему крыльцу.

Драматически – стрелки-лучи большого диска Сансары
 Падают на «быть» или «иметь», как на «жизнь» или «смерть».
 Счастье – когда действуют Любви волшебные чары.
 Страшно – если культ обладания – их разрушает, как смерть.

Радость – когда слышишь биение сердца на расстоянии
 В тысячи километров, среди хаоса звуковых волн и слоев.
 Словно – видишь, как бозон Хиггса проводит мегакамливание
 В центре Большого чувства –
 За пределами децибелов и слов.

Любопытно – каких непослушных трав волосы
 Ты расчесала сегодня взглядом?
 И каким же тебе передают привет голосом
 От меня облака, проплывая рядом?

В МОЙ И ВАШ ОГОРОД

Обещая всё сразу –
 Блеск лучей и туман,
 Снег ложится на плазу,
 На ладонь и майдан.

Падает тривиально,
Но не как бутерброд,
Попадая фатально
В мой и ваш огород,

В то же время, с иголки, –
Не похожий на все
Белокрылые пчёлки
В самой новой красе.

Остро чувствовать потребу
Перемен – это дар.
Подставляю нос небу,
Тупо вверх, как радар.

Смирен и беззащитен,
Но не гол как сокол,
Я еще не прочитан
Теми, кто высоко.

Я пока не разгадан
Теми, кто у весла.
Рано думать про ладан,
Опуская крыла.

Если тают снежинки
На носу, их не счесть,
Значит, в каждой кровинке
Сердца жар еще есть.

Отказаться от сабель –
То не значит молчать
Или тихо, как кабель,
Под плинтусом лежать.

Знать пора в Плинтустане,
Кому пофиг мороз, –
Стает снег, и мы встанем
По весне в полный рост.

ВСЕ ЦВЕТЫ, ЧТО РАСТУТ В ТЯНЬ-ШАНСКИХ ГОРАХ

Даже в мыслях не допускаю прикосновений.
Зато просто могу сказать, что люблю,
Без претензий на святость чужих владений,
Отдавая богово богу, королевское королю.

И поэтому – себе оставляю поэтово.
 Даже если не смотрим друг на друга ноздря в ноздю,
 Обжигая губы и щеки дыханием летовым,
 Я за лето такое – судьбу свою благодарю.
 Можно Любовь Петрарки привести в пример или Блока,
 А можно и не поэтов – Платона, Отто Фон Бисмарка, но зачем
 Сбирать урожай раньше определённого срока?
 Мы цветом и пахнем по-своему.
 И плоды наши рано переводить на джем.
 Не буду шарить в чужих шкафах в поисках экзоскелетов,
 Хвастать половым гигантизмом брутального Alfa-самца.
 Конечно, умно или тупо молчать – отнюдь не удел поэтов,
 Но мать продавать не стану ради красного тега-словца.
 Милая, твои тени исчезают в полдень, продолжают вечером,
 Рокируясь со светом, художниками, поэтами, планетой Земля...
 Я гадаю порой: где икринками или стрелками мое место отмечено?
 А может быть, август не лето, или я уже вовсе не я?
 Знаю точно – я не браконьер, и не кореш мне Фредди Крюгер.
 А вот с бабочками и стрекозами очень даже люблю дружить.
 И цветочки не рву, ведь им тоже, как и любой на свете зверюге,
 Больно, когда обрывают их единственной жизни нить.
 Не хотел бы представить себе все цветы мира, собранные в одной лузе,
 Но те, что я видел недавно высоко на альпийских лугах,
 Просили меня подарить их заживо моей нежной прекрасной Музе.
 Муза, ты слышишь?
 Я дарю тебе все цветы, что растут в Тянь-Шанских горах.

* * *

Выше голову. Чудо не схлопнется в закулисье.
 Если Бог одарил тебя щедро такой красотой,
 То не сложно увидеть в ней знак того, что повсюду
 И всегда твоя жизнь есть в палитре фарта.
 Сотворяя такое лицо, как твое, и тело –
 Оболочку для певчей души поэтки,
 Бог был явно настроен создать шедевр –
 Выпускатель птицы счастья из клетки,
 Вызыватель ОКеев и восхищатель,
 Выключатель неуменья искриться восторги,
 Улыбатель надутеньких губ и взглядов.
 А для поэта –
 Мечта, выдох и вдох – новитель.
 Выше к(о)рону, Кипариска.
 Кликни на обновить.
 В твоём королевстве, –
 Каким бы ни был сценарий, –
 Чудо вне риска.

ОДИНОЧЕСТВО

Разошлись по домам мои гости,
Словно птицы – к теплу своих гнезд.
Ночь вослед разбросала им горсти
Скороспелых насмешливых звезд.

Жестко лязгнул замок. И в квартире,
С обступившей ее немотой,
Этот звук, став единственным в мире,
Отозвался как в бочке пустой.

Я сидел, удивляясь, как скоро
Тишина набирает накал...
И казалось, что слышал весь город,
Как я сахар в стакане мешал.

* * *

Когда Время стрелки завяжет тугим узлом
На моих персонально-казахских часах,
Чтоб в швейцарских, ирландских, еврейских
Иль шумерских –
Настроить их снова с нуля-ноль-ноль,
В Новом Театре на новой сцене подарив мне новую роль,
Я опять перестану совсем замечать,
Как Хронически жадная Моль
Будет есть мой прозрачный костюм, что пошит из секунд,
И росток свежей жизни заякорит новый грунт
На плантациях декораций в океане реальной мечты.
И неважно, какие в сценариях повороты – тупы иль круты,
Ла-ла-ла или бла-бла-бла, дай-дай-дай или на-на-на
Про купание красного коня или камлание розового слона,
Лишь бы не было Драматургиевой ночи как символа пустоты
От того, что нет в пьесе тебя,
А в небе – звезды,
Лишь бы ты в том спектакле была по-любому,
И
Чтобы ты там была настоящая ты.

МЁД НА ЯЗЫК И УСЫ

Вот и экватор – середина пути между полюсами
Холода и жары. Не считая припева весны.
Держит Октябрь коромысло с ведрами – временами
Года – Зимой и Летом. Недаром по знаку – Весы.

Октябрь паритетен. Но и авторитетен,
 Когда выводит
 Из равновесия поэтов, лишая их плюшевых снов,
 Ломая ритмы, будоража их тиши да глади-води,
 Взрывом осенних красок зажигая на поиски слов.

Ломать не строить. А он – строить и жить помогает,
 Избавляя от злых иллюзий, как добрый холодный душ.
 Вдохновлять, оживлять – эту миссию не проморгает
 Грабарь-Октябрь, – гробовщик и спасатель душ.

Мёд на язык и усы – Весы – любовь и контроверза.
 Ведь рожденный осенним хулиганским волшебным днем
 Небоглазый Есенин – русский поэт и великий эрзя –
 Неспроста был душою с октябрьско-дерзким огнем.

Можно испытывать страстно к любому времени года зависть,
 Но на карму опасно намагничивать этого чувства следы.
 Хорошо любоваться, как яблони дают цвет, а потом и завязь,
 Но есть время – собирать камни и, конечно же, чудо-плоды.

Прелести привкус – лишь пряный оттенок, когда в расцвете
 Все прелести спелости в авангардной палитре дней.
 Amor est virtus – Любовь это сила! Октябрь в ответе
 За эту реплику в театре света, осени и теней.

* * *

Отдышись
 Я понесу тебя на руках
 Не расплескаю
 Небесную Синь твоих глаз
 Тучи ласково
 Попрошу в них не отражаться
 Заслону
 От сильного ветра
 Чтобы не создавал он тревожную рябь
 Но и сам я
 Не буду тебя касаться
 Я в перчатках
 Но не рыцарь с кинжалом
 Без упрёка
 И претензий к тебе
 И без страха
 Но не воин
 Я им был в прошлой жизни
 А теперь никого не хочу убивать

Как и боль причинять не хочу никому
Не смотрю на чужое
А то что сказал вначале?
Я просто соврал
Ты забудь
Я не сторож иллюзий
Отдышись
И забудь

* * *

Не бойся тайны сумерек пастельных.
Между мирами – трещины они.
Встречай на стыке жизней параллельных
За лунной ночью – солнечные дни.

Взойди по листьям лотоса к вершине,
Не разбивая зеркала воды,
Не беспокоя тех, кто в середине,
Ни тех, кто занял крайние ряды.

Входи смелей в сады цветущей плоти,
Начни Путь Света семенем в земле,
Будь сереньким ростком в глухом болоте
И яркою звездой в кромешной мгле.

Коль есть Любовь, всегда открыты двери
В мир, где реальны радужные сны.
И страх не остановит тех, кто верит,
Что Света хватит всем, а Свет – есть Мы.

* * *

Падает температура,
Поднимается пар.
Люк выдувает хмуρο
Ржавых труб перегар.

Колер уже не сочный,
Меркнут сады в горах,
И замерзают ночью
Яблоки на ветвях.

В небе серые студни
Превращаются в жмых.
Схимно уходит в будни
Праздник яблок глазных.

Вот и отпела осень
 Бабьего лета куплет.
 Скоро – милости просим –
 В снежный кордебалет.

Времени нет, чтоб кисли
 Стрелки, сбивая ход.
 Вот уже греют мысли
 Про супер-Новый год.

Снова дождь листья косит.
 Надпись плывет на стене:
 «Ты нам нравишса осинь!
 Папе маме и мне!»

УЛЫБАЙСЯ И СТРАНСТВУЙ

Я слышал, что Небо рождается дважды,
 И счастлив – кто в это поверит однажды,
 И счастье – что это случится не с каждым,
 Будь каменным он иль бумажным.

И пусть у Любви нашей вкус горьковатый,
 Пусть выпрямит спину вопрос виноватый,
 И пусть он – возникнув как символ расплаты
 За счастье – уйдет в постулаты.

Пусть где-нибудь там он – само постоянство,
 Вокруг него Время навертит Пространство.
 А ты – как Природа, меняя убранство, –
 Люби, улыбайся и странствуй.

«ХАРИЗМА ЖИЗНИ» ЕРЖАНА АШИМА

Ержан Ашим, в миру Ержан Оралбеков, – поэт, рок-музыкант. В 1986 году окончил восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Состоял в группе художников андеграунда Алматы «Зеленый треугольник» (1987–1993), участник казахстанских и международных выставок живописи. Исполнитель главной роли в фильме С. Апрымова «Аксуат» (1997 г., Япония – Казахстан).

Авангард, андеграунд, постмодернизм – к этим течениям относят поэзию Ержана Ашима, как, например, в работе «Двуязычное творчество как отражение межкультурного сознания» Х. Мухамадиева и Ю. Куспановой (КазНУ имени аль-Фараби). При этом все мы понимаем размытость границ между всяческими «измами», ведь и граница между авангардом и мейнстримом тоже никогда не была абсолютно четкой.

Тем не менее можно констатировать, что как биографические факты, так и творчество Ержана Ашима так или иначе совпали с развитием и течением движения андеграунда на постсоветском пространстве.

В последние годы существования СССР в Ленинграде, вдохнувшем ветер перестроечной свободы, Ержан начал всерьез заниматься рок-музыкой. Тогда же начала формироваться его поэтическая манера, которой стали свойственны бунтарство, естественное неприятие идеологических штампов и клише, лицемерия и пошлости обывательского быта, и вместе с тем – большая свобода в обращении со стилистическими и жанровыми ограничениями.

Нельзя не вспомнить, что питерская поэзия того времени была уникальной по своим традициям, устремлениям и мироощущению. Она считала кумирами Олега Григорьева, поэта афористичного и парадоксального, выросшего из мировосприятия обэриутов, его однофамильца Геннадия Григорьева, рок-поэтов Бориса Гребенщикова, Виктора Цоя, а также втянувшихся в орбиту лирики северной столицы Илью Кормильцева, Вячеслава Бутусова, Юрия Шевчука. Надо отметить, что поэзия Олега Григорьева была крайне важна для авторов 90-х годов, поскольку отражала опыт противостояния насилию и образы падения советского государства.

Таков фон формирования Ержана Ашима как поэта, взламывающего спокойствие обывательского быта, не терпящего насилия над личностью, воспевающего человека и его абсолютное свободное и живое творчество, его жизненную энергию и любовь.

Отказаться от сабель –
То не значит молчать
Или тихо, как кабель,
Под плитинусом лежать.

Знать пора в Плинтустане,
Кому пофиг мороз, –
Стает снег, и мы встанем
По весне в полный рост.

Как и другие поэты андеграунда, Ашим ощущал поддельность слов и лозунгов официоза, размывающего доверие общества к социальным идеалам, диктуемым сверху. В своей поэзии он не терпел ничего ненастоящего и лживого, того, что Андрей Битов в романе «Пушкинский дом» характеризовал как симулятивность, ненастоящность эпохи, а Венедикт Ерофеев в поэме «Москва – Петушки» обнаруживал как факт чужеродности героя этому миру.

Известные личности андеграунда, как, например, Дмитрий Пригов, породили тип современного художника, напоминающего человека Ренессанса с его многообразием видов творческой деятельности. Таков и Ержан Ашим. Он не просто пишет стихи, занимается живописью или записывает в студии песни, но становится публичной фигурой, всегда готов высказаться о происходящем в обществе и культуре. Таким образом, творчество Ержана Ашима неотделимо от его деятельности по защите экологии, пропаганде идей единства и взаимодействия радости людей в созданной им концепции «Дом мира»: «Будем смелы, честны,

мудры, совещательны, созидательно-креативны, сострадательно гуманны и уважительны друг к другу, Всему Человечеству и Всему Мирозданию!.. Пусть реализуется наша цель – Казахстан, Евразия, планета Земля – наш общий Дом Мира и Процветания».

При этом для поэзии и в целом позиции Ержана Ашима свойственно восприятие человека, осмысляющего мир с помощью созидания и творчества, отсутствие дидактики о путях и формах развития искусства. С этим связана у поэтов андеграунда, и непосредственно у Ержана Ашима, свобода в использовании структур языка, игра с художественной формой. Еще не так давно критикуемая приверженцами классицизма манера написания верлибра или рифмованного стиха без знаков препинания и заглавных букв прижилась на пространстве русской литературы в произведениях Геннадия Айги, Бахыта Кенжеева, Андрея Чемоданова и многих других. Это результат поиска адекватного языка для современности, символ ускорившегося времени, пульсации сознания в потоке информации, биения человеческого пульса.

Пусть Никто не целует
Но зато
Пробил час
Во всех точках глухой темноты
Чтобы дырочки звездами стали
Осветив те места где спадает туман

Подобно тому, как поэты метареализма Иван Жданов, Алексей Парщиков, Алексей Лешаков выводили необходимость обновления поэзии непосредственно из самой поэзии, невозможность говорить о важных вещах старым, истрепанным языком остро ощущают и авторы андеграунда. Язык истирается от долгого употребления, страдает от клише, симулякров – он нуждается в свободе и всегда живой. Так можно объяснить поиск Ержаном Ашимом новых словоформ, игрой со смыслами. Наблюдать за этой работой поэта чрезвычайно интересное, захватывающее занятие, ибо оно трогает до глубины души своей честностью, смелостью и интеллектуальным напором.

Возвращаясь к условности литературных «измов», хотелось бы отметить высокое мастерство Ержана Ашима в создании лирических образов, появляющихся, как кажется, очень легко и естественно, но наполненных трагизмом и силой переживания. Есть у него стихотворения, которые стоят выше границ жанров и направлений, это лирика, бьющая в самое сердце, как пуля, навывлет.

Разошлись по домам мои гости,
Словно птицы – к теплу своих гнезд.
Ночь вослед разбросала им горсти
Скороспелых насмешливых звезд.

Жестко лязгнул замок.
И в квартире,
С обступившей ее немотой,

Этот звук, став единственным в мире,
Отозвался как в бочке пустой.

Я сидел, удивляясь, как скоро
Тишина набирает накал...
И казалось, что слышал весь город,
Как я сахар в стакане мешал.

Уникальность почерка Ержана – харизма жизни, – которая выделяет его безоговорочно среди других поэтов, видится в ощущении им его личного и исторического времени, в дистанции, отделяющей его от любого пафоса, в смиренности его сердца, пылкости ума и специфическом ержановском юморе.

Когда Время стрелки завяжет тугим узлом
На моих персонально-казахских часах,
Чтоб в швейцарских, ирландских, еврейских
Иль шумерских – настроить их снова с нуля-ноль-ноль,
В Новом Театре на новой сцене подарив мне новую роль,
Я опять перестану совсем замечать,
Как Хронически жадная Моль
Будет есть мой прозрачный костюм, что пошит из секунд...

Асель Омар

